

Фонд ВЯЧЕСЛАВА КРУКА

Южная
СТОЛИЦА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Музыкальный проект
«ОДЕССКИЙ ДВОРИК»

СБОРНИК ПЕСЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Ах, Одесса моя, ненаглядная	4
На Дерибасовской открылась пивная	5
В тумане скрылась милая Одесса	6
Мишка	7
Одесский повеса	8
Капитаны	9
Дядя Боря.....	10
Одесский порт	11
С одесского кичмана.....	12
Мурка	13
Пчела и бабочка	14
От Одессы до Херсона.....	15
Морская	16
Канавка городская под Слободкой.....	17
Коммунальная квартира	18
Все будет хорошо	19
Купите папиросы	20
Разговор на рейде	21
Все, что было	22

Ах, Одесса моя, ненаглядная

Пролетают года,
Ну а ты, как всегда,
Веюду со мной.
И, как прежде, маня,
Ты ласкаешь меня,
Город родной.

Припев:

И везде, и всегда слышу голос твой.
Ты волною звенишь, ты шумишь листвою.
Не напрасно ты зовешь,
Ты действительно хорош,
Ты действительно хорош.

Ах, Одесса моя, ненаглядная!
Без тебя бы не смог, вероятно, я
Ни душою молодеть,
Ни шутить, ни песни петь.

Припев.

Черноморская даль,
Ты в ночи навевай
Сладкие сны.
Песни ты распевай,
Город светлой моей
Первой мечты.

Припев.

На Дерибасовской открылася пивная

На Дерибасовской открылася пивная,
Там собиралась вся компания блатная.
Там были девочки Маруся, Вера, Рая,
И с ними Костя, Костя Шмаровоз.

Три полудевочки и один роскошный мальчик,
Который ездил побираться в город Нальчик,
И возвращался на машине марки Форда
И шил костюмы элегантней, чем у лорда.

Но вот вошла в пивную Роза-молдаванка,
Она была собой прелестна, как вакханка.
И к ней подсел ее всегдавешний попутчик
И спутник жизни Костя Шмаровоз.

Держась за тохес, как за ручку от трамвая,
Он говорил: — Ах, моя Роза дорогая,
Я вас прошу, нет, я вас просто умоляю
Мне подарить последнее танго.

Но тут Арончик пригласил ее на танец.
Он был тогда для нас совсем как иностранец.
Он пригласил ее галантерейно очень
И посмотрел на Шмаровоза между прочим.

Хоть танцевать уж Роза больше не хотела,
Она и так уже порядочно вспотела,
Лишь улыбнулась в ответ красотка Роза,
И засверкала морда Кости Шмаровоза.

Сказал Арону в изысканной манере:
— Я б вам советовал пришвартоваться к Вере,
Чтоб я в дальнейшем не обидел вашу маму, —
И вышел прочь, надвинув белую панаму.

Услышал реплику маркер известный Моня,
Об чей хребет сломали кий в кафе Фанкони,
Побочный сын мадам Алешкер, тети Песи,
Известной бандерши в красавице Одессе.

Он подошел к нему походкой пеликана,
Он вынул ножик из жилетного кармана
И так сказал ему, как говорят поэты:
— Я вам советую беречь свои портреты.

Но наш Арончик был натурой очень пылкой,
Он вдарил Мончика по кумполу бутылкой,
Официанту засадили в тохес вилкой,
И началось тогда прощальное танго.

На Аргентину это было не похоже,
Когда прохожему заехали по роже,
А из пивной нас выбросили разом —
Пряитель с шишкою, я с синяком под глазом.

На Дерибасовской закрылася пивная.
Куда девалася компания блатная?
Где наши девочки Маруся, Роза, Рая,
И с ними Костя, Костя Шмаровоз?

В тумане скрылася милая Одесса

В тумане скрылася милая Одесса —
Золотые огоньки.
Не горюйте, ненаглядные невесты,
В синем море вышли моряки.

Недаром в наш веселый, шумный кубрик
Старшина гармонь принес,
И поет про замечательные кудри
Черноморский молодой матрос.

Напрасно девушки на нас гадают
Вечерком в родном краю —
Моряки своих подруг не забывают
И Отчизну милую свою.

Так не горюйте, нежные невесты,
Возвратятся моряки
В край родной, где возле
города Одессы
Золотые светят огоньки.

Мишка

Широкие лиманы, зеленые каштаны,
Качается шаланда на рейде голубом...
В красавице Одессе мальчишка голоштаный
С ребячьих лет считался заправским моряком.

И если горькая обида
Мальчишку станет донимать,
Мальчишка не покажет вида,
А коль покажет, скажет ему мать:

Привет:

«Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда:
Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда».

Широкие лиманы, поникшие каштаны,
Красавица Одесса под вражеским огнем...
С горячим пулеметом, на вахте неустанно
Молоденький парнишка в бушлатике мореком.

И эта ночь, как день вчерашний,
Несется в крике и пальбе.
Парнишке не бывает страшно,
А станет страшно, скажет он себе:

Привет.

Широкие лиманы, сгоревшие каштаны,
И тихий скорбный шелот приспущенных знамен...
В глубокой тишине, без труб, без барабанов,
Одессу покидает последний батальон.

Хотелось лечь, прикрыть бы телом
Родные камни мостовой,
Впервые плакать захотелось,
Но комиссар обнял его рукой:

Привет.

Широкие лиманы, цветущие каштаны
Услышали вновь шелест развернутых знамен,
Когда вошел обратно походкою чеканной
В красавицу Одессу гвардейский батальон.

И, уронив на землю розы,
В знак возвращения своего
Наш Мишка не сдержал вдруг слезы,
Но тут никто не молвил ничего.

Привет:
Хоть одессит Мишка —
А это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда:
Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет,
Но в этот раз поплакать, право, не беда!

Одесский повеса

Бродильной поступью, как надо по фасону,
Иду, гуляю ладно берегом Гудзона.
А что Америка — красивая такая,
Но только я ее, увы, не понимаю.
А там — каштаны, а там — платаны,
Там суета, но только более родная.
Я не останусь здесь, я это точно знаю,
Ведь через час я в Лондон улетаю!
Привет, Биг Бэн или Бэн Биг. Палата Лордов,
Встречай, Британия, меня великогордо!
Я не достану из штанин «бесценным грузом»
Тот «дубликат» — не бойся. Я не из Союза!
Я из Одессы — простой повеса,
У вас — туманы, у нас — лиманы.
И не пойду ни в жизнь за вашим за туманом,
Пойду за ним тем берегом лимана.
А что в Париже? Все же, он немного ближе
Архитектурой, прихмелеванным Амуром.
И, хоть убей, но, все же, цимеса не вижу
Под этим модно-европейским абажуром.
Ну вы скажите, вы не молчите,
Про что пою я, об чем гутарю?
Да не заменит мне и тысяча ВерсалеЙ
Одессы-мамы красивой и родной!

Капитаны

Там у моря, где парус вдали,
Где живет моя радость любви,
Где окутан волною прибой,
Берег лежит милый, родной.
Уходил я в далекий свой путь,
От печали сдавило мне грудь,
Знал: нескоро увижусь с тобой,
Светлой моей звездой.

Привес:

А волны плачут вдали,
Который день от земли,
Который год от тебя,
Веру в любовь храня.

У самурайских высот,
И у ирландских равнин,
У самых крайних широт,
Был лишь тобой томим.

Шел к концу наш последний контракт,
С непомерною тяжбою фракт,
Был коварен, зловещ океан,
Трубку курил грек капитан.
Закричал вдруг на вахте матрос,
Ветер с юга опасность принес,
Шел под «роджером» прямо на нас,
Пиратский как есть баркас.

Привес

Летит волна за волной,
Грохочет жадно прибой,
Клокочет сердце в груди,
Ты только верь и жди.

Пронеслось, пролетело как миг,
Треск бортов, чей-то жалобный крик.
Смерть смеялась нам прямо в глаза,
Эх, ну же, братки медлить нельзя!

Мимолетно у страха в плену,
Кто поддался, тот к рыбам ко дну,
А кто выжил, тому неспроста
Рому глоток в уста.

А волны снова вдали,
Зажили раны мои,
Стянуло ветром морским,
Крепость моей души.

На горизонте — земля,
Покрепче там, у руля,
Я возвращаюсь домой,
Здравствуй, мой друг родной.

Дядя Боря

Я стою на перекрестке двух веков
На задворках спетой юности моей.
Разметало-раскидало пацанов —
вот и нет в моей колоде козырей.

И вернуться не получится никак.
Только память да потрепанный альбом.
Как там в юности с надеждою в зубах
Мы играли желваками без понтов.

Привет:

Дядя Боря, как тебе у моря,
Что смеется, плачет и поет?
Дядю Борю знает это море
Как надежный белый пароход.
Дядю Борю знает это море
Как надежный белый пароход.

А по борту тают милями года,
Оставляя за собой бурлящий след.
Протекает между пальцами вода,
И секрета никакого в этом нет.
Зыбким светом померещились вдали
Силуэты только мне знакомых лиц.
Верным курсом до неведомой земли
Улетевшие туда как стаи птиц.

Привет

На ступеньках у просевшего крыльца,
Что впитало отголоски прошлых лет,
Соберется во дворе вся пацанва,
Соберутся даже те, которых нет.
И у каждого история своя,
И у каждого свой ангел за спиной.
Есть профессия такая как дружба,
А у дружбы — непременно рулевой.

Одесский порт

Одесский порт
В ночи простерт,
Маяки за Пересыпью
Светятся.
Тебе со мной
И мне с тобой
В том порту
Интересно бы встретиться.
Тебе со мной
И мне с тобой
В том порту
Интересно бы встретиться.
Совсем чуть-чуть
Со мной побудь,
Ведь я иду
В кругосветное странствие.
В твой дальний край
Идет трамвай,
И весь твой рейс
До шестнадцатой станции.
В твой дальний край
Идет трамвай,
И весь твой рейс
До шестнадцатой станции.
Махнешь рукой,
Уйдешь домой
И выйдешь замуж
За Васю-диспетчера.
Мне ж бить китов
У кромки льдов,
Рыбим жиром
Детей обеспечивать.
Мне ж бить китов
У кромки льдов,
Рыбим жиром
Детей обеспечивать.
Я не поэт
И не брюнет,
И не герой —
Заявляю заранее.
Но буду ждать
И тосковать,
Если ты не придешь
На свидание.
Но буду ждать
И тосковать,
Если ты не придешь
На свидание.
Шумит волна,
Плывет луна

От Слободки
За Дальний Мельницы.
Пройдут года,
Но никогда
Это чувство к тебе
Не изменится.
Пройдут года,
Но никогда
Это чувство к тебе
Не изменится!

С Одесского кичмана

С Одесского кичмана
Бежали два уркана,
Бежали два уркана да на волю.
На княжеской малине,
Они остановились,
Они остановились отдохнуть.

Болят мои раны!
Товарищ, товарищ,
Болят мои раны в глыбоке...
Одна заживаить,
Другая нарываает,
А третья застряла у боке.

Скажи моей ты маме,
Товарищ, товарищ,
Что сын ее погибнул на войне.
И с шашкою в рукою,
С винтовкою в другою,
И с песнею веселой на губе.

Зароет мое тело
Товарищ малохольный,
Зароет мое тело в глыбоке
И с шашкою в рукою,
С винтовкою в другою,
И с песнею веселой на губе.

За что же мы боролись?
За что же мы сражались?
За что же проливали нашу кровь?
Они же там пируют,
Они же там гуляют,
А мы же подаваем сыновьев.
Ой мама, моя мама!

Мурка

Прибыла в Одессу банда из Ростова,
В банде были урки, шулера.
Банда занималась темными делами,
И за ней следила Губчека.

Эх, Мурка, ты мой Муреночек!
Мурка, ты мой котеночек!
Мурка — Маруся Климова,
Прости любимого!

Речь держала баба, звали ее Мурка,
Хитрая и смелая была.
Даже злые урки и те боялись Мурки,
Воровскую жизнь она вела.

Мурка, ты мой Муреночек!
Мурка, ты мой котеночек!
Мурка — Маруся Климова,
Прости любимого!

Вот пошли провалы, начались облавы,
Много стало наших попадать.
Как узнать скорее — кто же стал шалывым,
Чтобы за измену покарать.

Кто чего узнает, кто чего услышит,
Нам тогда не следует зевать:
Нож пускай подшиллит, пистолет поставит,
Пистолет поставит — пусть лежат!

Эх, Мурка, ты мой Муреночек!
Мурка, ты мой котеночек!
Мурка — Маруся Климова,
Прости любимого!

Как-то шли на дело, выпить захотелось,
Мы зашли в шикарный ресторан.
Там сидела Мурка в кожаной тужурке,
А из-под полы торчал наган.

Слушай, в чем же дело? Что ты не имела,
Разве я тебя не одевал?
Кольца и браслеты, юбки и жакеты
Разве я тебе не добывал?

Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая,
Здравствуй, моя Мурка и прощай!
А ты зашухарила всю нашу малину
И за это пуло получай!

Эх, Мурка, ты мой Муреночек!
Мурка, ты мой котеночек!
Эх, Мурка — Маруся Климова,
Прости любимого!

Эх, Мурка, ты мой Муреночек!
Мурка, ты мой котеночек!
Мурка — Маруся Климова,
Прости любимого!

Эх, Мурка, ты мой Муреночек!
Мурка, ты мой Муреночек!
Мурка...
Прости, прощай.

Пчела и бабочка

Раз пчела в теплый день весной
Свой пчелиный покинув рой,
Полетела цветы искать
И нектар собирать.

А внизу по траве густой,
За ней гусеница с тоской,
Все ползет, устремив свой взор
На пчелу и простор.

И от страсти стгорая она,
Со слезами сказала:
— Я люблю тебя, пчелка, ответь,
Как с тобой улететь?!

И вздыхая все ох и ах,
Тонет гусеница в слезах,
А над нею жужжит пчела,
Как всегда весела.

И гусеница, настрадавшись днем,
Заснула беспокойным сном,

А пробудившись ото сна,
Она уж бабочкой была.

Утром сердце свое пчела,
Этой бабочке отдала
И они в голубую высь
Вместе с ней понеслись!

По лугам, и морям, и садам
Они вместе летают —
Ароматом поят их цветы,
Жизнь полна красоты!

Эту песню я вам пропел,
Каждый понял, как сам сумел,
И зачем повторять вам вновь,
Что такое любовь!

От Одессы до Херсона

Давно б я пел на сцене,
Но люди говорят,
Что нет вокальных данных,
Что голос слабоват.
Что даже при поддержке
Команды корабля
Не взять мне этой самой
Проклятой ноты "фа"...

Припев:

От Одессы до Херсона
Днем и ночью неуклонно
Держит путь
Наш старый пароход!
И повсюду вместе с нами
Над высокими холмами
От Одессы до Херсона
Песенка плывет!

И если проявлю я
Характер, черт возьми,
Смогу я взять неплохо
И "ля", и "до", и "ми"!
И разве запретите
Петь песни соловью,
Друзья меня пугают,
А я себе пою...

Морская

А на карте у нас,
Все один к одному,
И удачи порой, и невзгоды.
И бегут поезда с каждым годом быстрее,
И куда-то летят самолеты.
Улетают на юг стаи птиц как всегда,
Открывая заморские страны.
И ведут к берегам
Строгим курсом суда моряки, а точнее — капитаны.

Привет:

И снова вдаль за горизонт
зовет и манит девятый вал.
У мыса Горн в который раз
бросаем вызов в соленый шквал.
А в затылок нам смотрит скупая тоска,
А в лицо дует ветер прохладный.
До свидания, дом и родная земля,
Мы ушли и вернемся обратно.
Ничего, что обветрены души слегка,
Это наша морская отрада,
Это наша пригодность и наша судьба,
И другого нам счастья не надо.

Привет

Заберите у нас все, что можно забрать.
Только море оставьте в покое.
Нашу радость, тоску, колыбель, так сказать,
Наши песни с любовью о море.
Под ногами земля,
Богом данная твердь.
Спотыкаться о камни нет мочи.
Хорошо отдыхать, хорошо песни петь,
только в море вот хочется очень!

Привет

Канава городская под Слободкой

Там, где канава городская под Слободкой,
На вечер был я приглашен одной молодой.
Теперь не помню даже улица какая,
Но в том дворе была собачка очень злая.
В калитку я вошел — совсем уж потемнело,
Ну а собачка вдруг впустить не захотела.
Кто я такой, меня она и не спросила,
Но только больно вот за ногу укусила.
Я поднял крик, и тут сейчас же скоро
Бежит хозяйка и кричит: «Держите вора!»
В руках держала она длинную дубину
И с ней знакомить она стала мою спину.
Она лушила — мои трещали кости.
Я ей кричу: «Мадам, ведь я пришел к вам в гости!
Зачем я шел сюда, стою и задыхаюсь?!»
Ну а она мне говорит: «Я извиняюсь!»
В квартиру я вошел, дрожа весь, как листочек,
С трудом протиснулся в какой-то уголочек,
Нашел свободного там стула половину,
И вот какую увидал я там картину:
Какой-то парень с большим чубом на гармоньке
Сидел и рыпал очень жалобные польки,
Там все дрожало, даже стекла вылетали —
Ах, это парочки так славно танцевали!
Из них там пьяных было больше половины,
Стеной у каждого повыпачканы спины.
Там жрали семечки, курили и плевали,
Словами скверными друг друга называли.
Но танцы сразу прекратили,
Втащили стол туда и скатертью накрыли,
На нем поставили стаканчики, бутылки,
И у сидящих зачесались затылки.
На спирт, напитки все набросились скопом,
В утробы лились самогонные потоки.
В момент все хлопцы и их дамы-примадонны,
Как говорится, стали в доску «Спиридонь».
Таких традиций есть в одесской молодежи —
Понапиваться и набить друг другу рожки.
И, как гласит дедовская старинка,
В итоге началась на вечере «вольнка».
Под стол забрался я, смотрю: о Боже!
Порасцарапали друг другу хлопцы рожки,
Носы разбиты, перепачканы манишки,
На лбах набитые у них большие шишки.
И как трамвай одесский движется ночами,
Все наши хлопцы стали с синими очами.
Я ж ко двору сбежал, чтоб от стыда и срама...
Вот вечеринки этой полная программа!

Коммунальная квартира

Какие были времена,
Когда в квартире коммунальной
Мы жили, бедность не тая
И лучшей жизни в ожидании.
И часто снились по ночам
Кому – кусочек хлеба с маслом,
Кому – макуха по утрам,
Кому – бульон с куриным мясом...

Привет:

Тетя Циля, тетя Соня,
Дядя Виля, дядя Лёня,
Хаим, Лева, Мойша и Зилья...
Я один в квартире русский,
Ой, мне было очень грустно,
Что евреем не родился я...
У Зямы папа был завмаг,
Мой папа – просто – инженером.
И хоть питались мы не так,
Казался папа мне примером.
Нас было семеро детей,
И каждый день буханку хлеба
Делил на ровных семь частей
Завсклад Илюша нам к обеду.

Привет

С тех пор прошло немало лет,
И все разъехались куда-то.
Давным-давно и дома нет,
И пусто там, где жил когда-то.
Ушла былая доброта,
Мне этих лет до боли жалко...
Не возродится никогда
Моя родная коммуналка...

Привет:

Тетя Циля, тетя Соня,
Дядя Виля, дядя Лёня,
Хаим, Лева, Мойша и Зилья...
Я один в квартире русский,
А когда бывает грустно,
Вспоминаю вас, мои друзья!

Все будет хорошо

Вы скажете: бывают в жизни шутки,
Поглаживая бороду свою...
Но тихому андише-малютке
Пока еще живется как в раю.
Пока ему совсем еще не худо,
А даже и совсем наоборот.
И папа, обалдевши от талмуда,
Ему такую песенку поет:

Приве:

Все будет хорошо.
К чему такие спешки?
Все будет хорошо.
И в дамки выйдут пешки.
И будет шум и гам.
И будет счет деньгам.
И дождички пойдут по четвергам.

Но все растет на этом белом свете.
И вот уже в компании друзей
Все чаще вспоминают наши дети,
Что нам давно пора «ауфвидерзей».
И вот уже загнал папаша где-то
Подтяжки и гамаши, и костюм,
Ведь Моне надо шляпу из вельвета
Влюбился Моська в Сару Розенблом.

Приве.

Вы знаете, что значит пожениться.
Такие получаются дела.
Но почему-то вместо единицы
Она ему двойняшек принесла.
Теперь уже ни чихни, ни засмейся —
Шипит она, холера, как сифон.
И Моська, ухватив себя за пейсы,
Заводит потихоньку патефон.

Приве.

Пятнадцать лет он жил на честном слове,
Худее, чем портняжная игла,
Но старость, как погромщик в Кишиневе,
Ударила его из-за угла.
И вот пошли различные хворобы:
Печенка, селезенка, ишиас...
Лекарство все равно не помогло бы,
А песня помогает всякий раз.

Но таки да: случаются удачи!
И вот уже в последний добрый путь
Две старые ободранные клячи
Везут его немножко отдохнуть.
Всегда переживает нас привычка.
И, может быть, наверно, потому
Воробышек — малосенькая птичка —
Чирикает на кладбище ему:

Привет:

Все будет хорошо.
К чему такие спешки?
Все будет хорошо.
И в дамки выйдут пешки.
И будет шум и гам.
И будет счет деньгам.
И дождички пойдут по четвергам.

Купите папиросы

Ночь туманна и дождлива, за окном темно,
Мальчик маленький рыдает только об одном.
Он стоит, к стене прижатый
И на вид чуть-чуть горбатый,
И поет на языке родном:

Друзья, купите папиросы!
Подходи, пехота и матросы!
Подходите, пожалейте,
Сироту меня согрейте!
Посмотрите, ноги мои босы.

Мой папаша под Херсоном жизнь свою отдал,
Мамочку мою с винтовки немец расстрелял,
А сестра моя в неволе
Погибает в чистом поле —
Так свое я детство потерял.

Друзья, купите папиросы!
Подходи, пехота и матросы!
Подходите, пожалейте,
Сироту меня согрейте!
Посмотрите, ноги мои босы.

Разговор на рейде

Спустилась ночь над бурным Черным морем,
И за кормой бежит за валом вал.
С бывалым старым моряком в дозоре
Матрос на вахте молодой стоял.
— Скажи мне правду, ведь служил ты, дядя,
На корабле, что воевал с царем? —
— Служил, сынок... —
— Скажи же, ради Бога,
Как красный флаг вы подняли на нем!
— А было так: тогда на нашем судне
Служил помощник, старый изувер.
Он избивал нас в праздники и в будни —
Не человек, а просто лютый зверь.
Команда вся построилась, сказали,
Что командира требует народ,
В безмолвии суровом мы стояли,
Одн матрос лишь выступил вперед.
И в тишине суровой, напряженной
Вдруг выстрел одинокий прозвучал,
И, пулей в сердце насмерть пораженный,
Он, заливаясь кровию, упал.
Убийцу вмиг матросы раскачали,
И смерть нашел в пучине подлый враг,
И на могучем корабле подняли
К восстанию зовущий красный флаг.
Покойника одели в саван белый,
На волнорез товарища снесли,
И шел народ прощаться с мертвым телом,
И каждый поклонился до земли.
А он лежал, шинельюю покрытый,
Белела надпись на груди его,
Чтоб был народ, как тот матрос убитый —
Один за всех, и все за одного!

Все, что было

Все равно года проходят чередою,
И становится короче жизни путь.
Не пора ли мне, с измученной душою,
На минуточку прилечь и отдохнуть?
Все, что было, все, что ныло,
Все давным-давно ушло,
Утомились лаской губы,
И натешилась душа.
Все, что пело, все, что млело,
Все давным-давно истлело...
Только ты, моя гитара,
Прежним звоном хороша.
Все, что было, все, что ныло,
Все давным-давно ушло,
Утомились лаской губы,
И натешилась душа.
Все, что пело, все, что млело,
Все давным-давно истлело...
Только ты, моя гитара,
Прежним звоном хороша.

the *Journal of Applied Behavior Analysis* (1974), and the *Journal of Experimental Psychology: Applied* (1995).

There are a number of reasons why the *Journal of Applied Behavior Analysis* is the most widely cited journal in the field. First, it is the only journal in the field that is published by a professional organization (the Association for Behavior Analysis).

Second, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of publication (Sage Publications). Third, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of editing (Sage Publications).

Fourth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of distribution (Sage Publications). Fifth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of circulation (Sage Publications).

Sixth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of advertising (Sage Publications). Seventh, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of marketing (Sage Publications).

Eighth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of sales (Sage Publications). Ninth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of service (Sage Publications).

Tenth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer support (Sage Publications). Eleventh, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer service (Sage Publications).

Twelfth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer care (Sage Publications). Thirteenth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer satisfaction (Sage Publications).

Fourteenth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer loyalty (Sage Publications). Fifteenth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer retention (Sage Publications).

Sixteenth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer engagement (Sage Publications). Seventeenth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer interaction (Sage Publications).

Eighteenth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer communication (Sage Publications). Nineteenth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer relationship (Sage Publications).

Twentieth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer experience (Sage Publications). Twenty-first, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer journey (Sage Publications).

Twenty-second, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer feedback (Sage Publications). Twenty-third, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer insight (Sage Publications).

Twenty-fourth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer intelligence (Sage Publications). Twenty-fifth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer knowledge (Sage Publications).

Twenty-sixth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer wisdom (Sage Publications). Twenty-seventh, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer understanding (Sage Publications).

Twenty-eighth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer awareness (Sage Publications). Twenty-ninth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer perception (Sage Publications).

Thirtieth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer cognition (Sage Publications). Thirty-first, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer emotion (Sage Publications).

Thirty-second, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer behavior (Sage Publications). Thirty-third, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer attitude (Sage Publications).

Thirty-fourth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer intention (Sage Publications). Thirty-fifth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer motivation (Sage Publications).

Thirty-sixth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer desire (Sage Publications). Thirty-seventh, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer need (Sage Publications).

Thirty-eighth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer interest (Sage Publications). Thirty-ninth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer attention (Sage Publications).

Fortieth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer curiosity (Sage Publications). Forty-first, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer wonder (Sage Publications).

Forty-second, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer awe (Sage Publications). Forty-third, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer amazement (Sage Publications).

Forty-fourth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer admiration (Sage Publications). Forty-fifth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer respect (Sage Publications).

Forty-sixth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer honor (Sage Publications). Forty-seventh, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer pride (Sage Publications).

Forty-eighth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer joy (Sage Publications). Forty-ninth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer happiness (Sage Publications).

Fiftieth, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer love (Sage Publications). Fifty-first, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer affection (Sage Publications).

Fifty-second, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer care (Sage Publications). Fifty-third, it is the only journal in the field that is published by a publisher that is known for its high quality of customer compassion (Sage Publications).

О Д Е С С А
2 0 1 0